

Для Кико и Майло

1

УРОК ХИМИИ

— Это уже двенадцатый, — директор поднял глаза от своих записей, — нет, даже тринадцатый раз в нынешнем семестре, когда ты попадаешь в неприятности, Агата.

Мы сидели в его кабинете. Воздух казался липким, и дело было не только в жаре, которая стояла на улице.

Я уставилась в пол. Директор прав, и возразить мне было нечего.

Доктор Харгрейв (Рональд Харгрейв, бакалавр философии, магистр педагогики, кавалер ордена Британской империи) любит заполнять паузы. И умеет это делать — так что лучше дать ему сказать всё, что он хочет.

Он не тот доктор, про которого вы сразу подумали, но ему нравится, когда его так называют. У него пять родимых пятен

на лбу, складывающихся в созвездие Кассиопеи, и стальной взгляд: цвет его глаз соответствует образцу 4Б по той классификации цвета радужной оболочки, что висит у меня в комнате.

Директор начал зачитывать:

— Первое. Ты пряталась в системе вентиляции в кабинете химии и подсматривала за мистером Стемпом, так как решила, что он ворует серную кислоту и продаёт её в Интернете.

Так и было — химик торговал реактивами, — но доказательств добыть не удалось, и расследование пришлось прекратить. К тому же папа велел мне сидеть дома.

— Второе. Чтобы удрать с уроков и покинуть территорию школы, ты пыталась убедить смотрителя, что ты дендролог-стажёр и тебе необходимо залезть на дерево у забора, чтобы обрезать...

Я переключилась. Это у меня хорошо получалось — я будто нажимала кнопки на пульте от телевизора. Если хотелось посмотреть что-нибудь поинтереснее, я просто вызывала другую картинку у себя в воображении. Я так это и называла — «система переключения каналов».

Стол директора отполирован до блеска, и если смотреть на столешницу, то в светло-коричневой поверхности видно моё отражение. Я в красном берете, а доктор Харгрейв ещё даже не начинал отчитывать меня за такой неподобающий внешний вид. Мои подстриженные в каре волосы обрамляют лицо, брови нахмурены, как будто я внимательно слушаю его лекцию.

И вдруг, в мгновение ока, отражение начало мерцать, расплылось и показало мне кое-кого другого. На меня смотрел невысокий человек в шляпе и галстук-бабочке. Он разгладил усы, а затем, сделав шаг, изящно спрыгнул на пол и встал за плечом у директора.

— Как ты думаешь, сколько времени *le docteur* Харгрейв будет говорить сегодня? — спросил он с приятным бельгийским акцентом.

Я снова настроила тот канал, где показывали директора.

— Четвёртое: ты вмонтировала подслушивающее устройство в стену учительской...

Я бросила взгляд на Эркюля Пуаро, великого детектива, а он посмотрел на настенные часы.

— Месье директор говорит уже двадцать две минуты. — Пуаро многозначительно под-

нял бровь. — Может быть, рекорд в двадцать семь минут будет побит?

Скорее всего директор скоро закончит: у него урчало в животе, ведь час обеда давно прошёл. Я окинула взглядом комнату. Некоторые предметы в ней вдруг стали заметнее, словно их подсветили (не на самом деле, конечно, а на «экране» в моей голове).

— Двадцать четыре, — сказала я вслух.

— Что? — Директор поднял глаза от своих записей.

— Ничего. — Я кашлянула.

Пуаро кивнул — он принял мою ставку.

— Ты меня слушаешь, Агата?

— Конечно, сэр. Вы говорили, что изображать инспектора санитарно-эпидемиологической службы запрещено законом.

— Именно так. Ты понимаешь, что это не шутки?

Я кивнула:

— Конечно, доктор Харгрейв. Я просто начала беспокоиться.

— Беспокоиться? О чём? — Директор нахмурил брови.

— Что вы опоздаете. Вы ведь идёте обедать с женой.

УРЧАЩИЙ ЖИВОТ

Тёмные очки

Конфеты — подарок

ДОРОГАЯ РУБАШКА (ШЁЛК)

НОВАЯ СТРИЖКА

Он явно был сбит с толку тем, как я сменила тему.

— С женой?..

— Ну да. На вас очень красивая рубашка, сэр. И приятный одеколон. И я заметила коробку конфет на столе — это явно подарок даме.

Я улыбнулась, довольная своими дедуктивными способностями.

— Ага, ну да, — пролепетал он, — с женой...

Слова — мои зацепки — светлячками висели над ним в воздухе.

— Как ты правильно догадалась, я как раз иду обедать... с женой, — наконец выговорил директор и посмотрел на часы.

— Я бы не хотела, чтобы вы опоздали из-за меня, сэр, — сказала я.

Доктор Харгрейв встал, смахивая с рубашки невидимые пылинки.

— Да. Я, пожалуй, пойду. — Он покрутил головой, будто бы забыл, где выход. — А что касается тебя, Агата, я призываю тебя поразмыслить о... гм... обо всём, что я сказал.

— Я поразмыслю, сэр.

Доктор Харгрейв, похоже, вспотел. Он проводил меня до двери. Около неё стоял Пуаро и, одобрительно улыбаясь, поглядывал на карманные часы.

— Двадцать четыре минуты — ты оказалась права, *mon ami*¹.

Доктор Харгрейв открыл мне дверь.

— *Bien sur*, ну разумеется, — улыбнулась я.

— Что ты сказала? — переспросил директор.

— Я пожелала вам приятного вечера, сэр.

Он поджал губы, как будто с трудом удержался от какого-то замечания, потом проворкотал:

— Будь осторожна, Агата Фрикс. Будь очень осторожна.

¹ Мой друг (*фр.*).

За дверью мерил шагами коридор Лиам Лау, мой лучший друг. Когда я вышла, он сразу повернулся ко мне — лицо серьёзное, лоб наморщен. Я даже не сразу поняла почему. А потом сообразила: Лиам ведь знает, что я попала в очередной переплёт, и думает, что меня исключат из школы.

Строго говоря, Лиам ждёт, что меня вот-вот выгонят из Сент-Риджиса, с того самого дня, как мы познакомились, но на этот раз он уверен, что моё последнее приключение стало действительно последним.

Я решила держать интригу, поэтому сделала грустную мину.

Лиам закрыл лицо руками.

— Ну я же говорил! — заголосил он. — С кем я теперь буду ходить на обед?!

Мы с Лиамом действительно обедали вместе — каждый день или по крайней мере каждый раз, как пересекались после уроков. В столовой мы сидели за столиком, который называется Островок Изгоев. За ним ели одни фрики.

— Лиам... — начала я.

— Я знаю, что жаловаться бесполезно, — простонал он.

— Лиам...

— Выгнали... — причитал он. — Слушай. Может быть, его удастся переубедить? Может, если твой папа напишет письмо...

— Лиам! — Я схватила его за плечи и встряхнула. Он наконец замолк.

— Меня не исключили, — сказала я.

Мой друг замер.

— Тебя...

— Не ис-клю-чи-ли, — повторила я по слогам, глядя на свои ногти. Они были выкрашены тёмно-зелёным лаком и обкусаны.

Улыбка расплылась по лицу Лиама. Он чуть не задушил меня в объятиях:

— Что же тебе сказал директор?

Я поглядела на него искоса из-под упавшей на глаза пряди:

— Расскажу по дороге, а то на химию опоздаем.

— Какая же это сверхспособность?

— Я просто говорю, что хорошо бы обладать такой сверхспособностью: не быть исключённым.

— Но ведь сверхспособность — это что-то вроде умения летать или становиться невидимым. А «не быть исключённым» умеют все нормальные люди.

Уроки закончились, но мы с Лиамом остались в классе.

— Нормальным людям не так весело живётся, как мне.

Лиам, подражая нашей школьной библиотекарше, с осуждением посмотрел на меня поверх очков, и я невольно улыбнулась. Он всегда умел меня развеселить. И никогда не осуждал за то, что я переключаюсь или разговариваю с несуществующими людьми.

— Насчёт завхоза-то удалось что-нибудь выяснить? — спросил он.

Я пожала плечами. Ведь именно из-за этого я и оказалась в кабинете директора: я переоделась в санитарного инспектора, чтобы проверить завхоза — тот уже несколько недель вёл себя подозрительно.

Я с детства мечтала быть детективом и обожала переодеваться. Мама всегда это поощряла и устраивала для меня целые квесты. Но, как вы уже знаете, после нескольких... *гм, инцидентов* директор запретил мне